

Вэй были самой богатой семьей округа Сяньхэ. Ее глава Вэй Цэ грамотно вел дела, жена и наложницы его жили в гармонии, а в преклонном возрасте у него родился сын – это ли не счастье? Кто бы мог подумать, что его жена, госпожа Чай и ее двоюродный брат возжелают богатств семьи Вэй и задумают нанести удар Вэй Цэ?

По печальному стечению обстоятельств барышня Вэй Чжу, младшая дочь семьи Вэй, играя в прятки со своими сестрами, пробежала мимо заговорщиков. Кузены Чай решили, что та слышала их, и из опасений оказаться раскрытыми убили ее.

Так вышло, что в этот момент няня Ху, воспользовавшись царившим из-за смерти девочки хаосом, убила сына семьи Вэй. Она планировала обставить все так, чтобы из-за кузенов Чай все решили, что эти два убийства совершил один человек.

Кто же знал, что на пути у нее встанет желающий снять подозрения со своего племянника Тан Фан. Сначала он помог окружному магистрату Вэну найти настоящего убийцу барышни Вэй Чжу, а затем, заметив странности в поведении Вэй Цэ, вытащил на свет дело двадцатилетней давности и узнал, что убийцей младенца Вэй была госпожа Ху.

Так все и было. Хоть неожиданных поворотов и сложностей в этом деле оказалось довольно много, назвать его очень заковыристым было нельзя. Только после того, как госпожа Ху подала жалобу, рассказав, что случилось более двадцати лет назад, все поняли, что в деле этом полно хитросплетений, и глубоко вздохнули о том, как же тут все непросто.

Если все, что поведала госпожа Ху, было правдой, то образ богатого и добродетельного Вэй Цэ был фальшивкой.

Но насколько сложно было снять обвинения по старому делу?

Это не то, что можно разрешить по мановению руки.

Во-первых, инцидент произошел более двадцати лет назад и все свидетельства того времени были давно уничтожены.

Если бы госпожу Чжан отравили, след яда мог сохраниться на костях, но она была зарезана ножом для резки бумаги, а от тела давно остался лишь скелет. Другими словами, Тан Фан не мог воспользоваться тем же способом, что и в деле князя Ву Аня, во время расследования которого он находил улики на теле Чжэн Чэна.

Следовательно, возможности найти доказательства на теле жертвы, способные оспорить приговор, не было.

Во-вторых, даже если госпожа Ху сказала правду и Вэй Цэ был лицемером, что, став приемным сыном Ху Ханьиня, обвинил того в смерти госпожи Чжан и присвоил имущество семьи Ху, он был человеком далеких планов. Двадцати с лишним лет было более чем достаточно, чтобы избавиться от улик в префектуре Дамин. Тан Фан и его люди, принявшись за расследование, скорее всего, мало что найдут.

И если Вэй Цэ действительно поступил так, он не испугается и не признается на допросе.

Кроме того, второй вовлеченной в это дело стороне, Ху Ханьиню, предполагаемому “насильнику” госпожи Чжан, давным-давно отрубили голову и оправдаться возможности у него не было. Дочь Ху Ханьиня слышала лишь позицию своего отца и на месте преступления не присутствовала, так что о многих подробностях могла просто не знать.

Именно поэтому пересмотреть столь старое дело было ужасно трудно.

От одной мысли об этом окружной магистрат Вэн ощутил абсолютную беспомощность.

Решив прислушаться к словам госпожи Ху, он навлечет на себя неприятности и лишние хлопоты на свою голову.

А отказавшись ей верить, сможет расслабиться, но совесть не даст покоя.

В конце концов, Тан Фан с Суй Джоу пришли лишь помочь, они не могли решать за него. У магистрата Вэна не вышло бы переложить дело на кого-то еще.

— Господа, когда вы возвращаетесь в столицу? – поинтересовался он.

— Хочешь поскорее избавиться от нас? – улыбнулся Тан Фан.

— Нет-нет-нет! – поспешил отозваться магистрат Вэн. – Этот скромный чиновник боится, что господа будут волноваться из-за этого дела. Не хочу доставлять вам неудобства!

— Что ты собираешься делать? – спросил Тан Фан.

Магистрат Вэн нахмурился и задумчиво замолчал, а затем, стиснув зубы ответил:

— Продолжу расследование!

Брови Тан Фана разгладились.

— Весьма ответственно! – похвалил он.

Магистрат Вэн горько улыбнулся. Что толку быть ответственным? Добиваться расположения людей он не умеет, поддержки у него никакой. Как ни посмотри, а он лишь сорокалетний мелкий чиновник седьмого ранга.

— Цзымо, – снова улыбнулся Тан Фан, – если справишься с этим делом, по возвращении в столицу я подам ко Двору донесение, в котором подробно опишу твои заслуги.

Кто из тех, кто высоко поднялся, не захочет оказаться еще выше? Подобное желание не мешает быть хорошим чиновником.

Услышав эти слова, магистрат Вэн аж посветлел от восторга.

Еще более важным было то, что Тан Фан назвал его по имени в быту, продемонстрировав тем самым их близость.

— Но не радуйся раньше времени, – вернулся к делу Тан Фан. – Как мы только что говорили, пересмотреть это дело будет очень и очень сложно. Основная трудность заключается в том, что по прошествии стольких лет почти все свидетели умерли. Остался лишь Вэй Цэ, но если он хитер и коварен настолько, как говорит госпожа Ху, найти какие-нибудь нестыковки будет очень нелегко. Как в тот раз, когда мы навещали его. Если бы он не заколебался на пару мгновений, никто из нас до сих пор бы не понял, в чем дело.

— Этот скромный чиновник, – кивнул магистрат Вэн, – сделает все возможное, чтобы провести расследование. Однако дело это находится под чужой юрисдикцией. Боюсь, люди окружной префектуры не справятся с такой задачей. Поэтому, возможно, мне придется попросить господина Суй выделить нескольких влиятельных подчиненных, чтобы помочь...

Сказав так, он взглянул на Суй Джоу. Тан Фана его нерешительное выражение лица несколько позабавило. Он считал, что они уже достаточно время общались друг с другом, чтобы магистрат Вэн понял, что Суй Джоу не из тех, кто запугивает других силой или авторитетом. Почему же он ведет себя столь робко?

Однако Тан Фан кое о чем забыл: его уверенность в том, что с Суй Джоу легко иметь дело основывалась на том, что они вместе прошли через огонь и воду и знали друг друга уже долгое время.

Немногословность и сдержанность Суй Джоу не позволяли другим людям узнать его лучше, а невыразительное лицо скрывало его намерения. Не стоит забывать и о пугающей славе главы Двора Императорской Стражи. Даже будь Суй Джоу глубоко в душе маленьким белым кроликом, магистрат Вэн не осмелился бы вести себя непредусмотрительно. Не говоря уж о том, что тот был свирепым тигром, что лишь с виду казался ручным.

Выслушав его, Суй Джоу согласием не ответил, вместо этого спросив:

— С чего ты собираешься начать?

— С прошлых владений Вэй Цэ. Госпожа Ху говорила, что его семья пребывала в бедственном положении, поэтому он и искал убежища у Ху. После смерти Ху Ханьиня он покинул префектуру Дамин и быстро разбогател, занимаясь торговлей. Это странно: Вэй Цэ уже сдал окружной экзамен, с чего вдруг он отказался от стези ученого и занялся торговлей? Если то, что сказала госпожа Ху, правда, должно быть, что-то заставило его отказаться от императорских экзаменов и стать торговцем. Так я смогу узнать, куда делось имущество семьи Ху после смерти Ху Ханьиня.

Идея была вполне разумной, но результатов, скорее всего, не дала бы.

Суй Джоу перевел взгляд на Тан Фана, позволяя тому принять решение, выделять окружному магистрату людей или нет.

— Давайте отправим кого-нибудь, пусть действуют согласно словам магистрата Вэна, – немного подумав, ответил Тан Фан. – Может, мы и вправду обнаружим что-то. Цзымо, бумаги по делу у тебя с собой? Дай мне, проверю, вдруг найду что-нибудь.

— Этот скромный чиновник сходит за ними, – ответил магистрат Вэн.

Когда дело доходило до некоторых вещей, Тан Фаном овладевала невиданная одержимость.

Это дело не имело к нему никакого отношения, и он мог бы оставить его на магистрата Вэна, но сложности, которые оно предвещало, ужасно заинтересовали Тан Фана, так что до тех пор, пока не выяснит правду, остановиться он не мог.

По возвращении на постоянный двор, он заперся с документами в своей комнате, и даже ужин был не способен соблазнить его выйти оттуда. Суй Джоу пришлось буквально вытаскивать его – тогда Тан Фан согласился сесть и поесть нормально.

Но даже во время еды он не мог успокоиться. Жевал и без конца бормотал под нос:

— Ху Ханьинь вернулся домой из ломбарда днем. Даже если у него действительно были нехорошие намерения по отношению к госпоже Чжан, ему незачем было так спешить... По словам госпожи Ху, в их доме было три двора. Хоть Ху Ханьинь и был приемным отцом Вэй Цэ, во избежание подозрений Вэй Цэ с женой не могли жить слишком близко к Ху Ханьиню. Даже если предположить, что у Ху Ханьиня действительно были нехорошие намерения по отношению к госпоже Чжан, как он мог затащить ее так далеко в свою комнату, чтобы никто не заметил?..

Дабы помочь магистрату Вэну отыскать, куда делось имущество семьи Ху, Янь Ли с Гунсунь Янем остались в префектуре Дамин. Тан Юй с сыном тоже не было рядом. Цянь Сан-эр не смог вынести этих демонических звуков, так что решительно покинул их со страдальческим лицом и пересел за другой стол, чтобы поесть в тишине.

С Тан Фаном остался лишь один Суй Джоу. И он уходить никуда не собирался.

Но вскоре и он не выдержал:

— Это соевый соус, а не уксус. Ты вымачиваешь пельмень в соевом соусе. Умереть от избытка соли вздумал?

— А? – Тан Фан непонимающе уставился на него, очевидно, только из-за того, что “не мог не повернуть голову на источник звука”, а не потому, что расслышал слова Суй Джоу.

Суй Джоу ничего не оставалось, кроме как пододвинуть к нему чашку с уксусом, взять его за руку, направить пельмень в его палочках в уксус, а затем в рот Тан Фана.

После того как ему в нос ударил запах уксуса, Тан Фан наконец пришел в себя и скривился из-за странного вкуса пельменя, пропитанного уксусом с соевым соусом.

— Какая гадость! Почему уксус тут такой соленый?!

— Особый уксусно-соевый соус Тан, уникальный в своем роде, – невозмутимо отвечал Суй Джоу, подумав, что в следующий раз заменит уксус на чаотский перец.

Однако он понимал, что такой Тан Фан и есть: ничто и никто не в силах достучаться до него, когда он сосредотачивается на чем-то важном. Так уже и раньше бывало, и этот раз не стал

исключением.

И конечно же, кое-как покончив с ужином, господин Тан поднялся и отправился в свою комнату, чтобы продолжить размышления.

На кровати и столе были разбросаны документы по делу: копии домовой книги Вэй Цэ и многие другие.

Здесь была даже копия признания госпожи Ху, в котором та просила оправдать ее отца. Следует отметить, что женщина эта была весьма скрупулезной: она была единственным ребенком Ху Ханьиня, так что тот озаботился ее обучением. Госпожа Ху воспитывалась в достатке и была достаточно избалована, что сильно выделяло ее среди простых женщин, которые даже читать не умели.

Хоть и жила то тут то там, она внимательно отнеслась к этому делу и попросила кого-то несколько раз переписать ходатайство и ее переписку с отцом. Все эти документы она тщательно хранила до тех пор, пока не передала окружному магистрату Вэну.

Эти бумаги могли показаться бесполезными, но Тан Фан знал одну простую истину:

Когда кто-то что-то делает, не важно, хорошее или плохое, он всегда оставляет следы. В этом мире нельзя сшить одежду без шва.

Сердца людей изменчивы, как и отношения между ними. Но человек остается человеком, с собственными мыслями и поведением.

Так что, даже если госпожа Чжан и Ху Ханьинь были мертвы, а большая часть улики уничтожены, какие-то зацепки должны были остаться. Их просто нужно постараться отыскать.

Процесс вдумчивого изучения документов с целью обнаружить в них нестыковки был, без сомнения, ужасно скучным и утомительным. Не лучше, чем заучивание восьмичленных сочинений, которым в свое время занимался Тан Фан.

Однако он всегда придерживался принципа: либо делай все возможное, либо не делай ничего. При слабом свете свечи он внимательно читал, почти распластавшись на столе, порой хмурился и бормотал что-то себе под нос, а порой его лицо внезапно освещалось озарением.

Свидетелем сей сцены стал Суй Джоу, что вошел, толкнув дверь.

Видя, как Тан Фан самозабвенно копается в бумагах, он не мог не нахмуриться. Сначала он думал, что, раз помочь ничем не может, то и беспокоить того не станет, чтобы не отвлекать от раздумий. Но теперь Суй Джоу решил, что если не следить за Тан Фаном, тот денно и ночно будет оставаться в таком состоянии.

— Еще не спишь? – Суй Джоу конечно так и думал, но виду не показал.

— Который час? – Тан Фан поднял голову и, не удержавшись, потянулся, на секунду расслабившись.

Суй Джоу подошел ближе и опустил руки тому на плечи, разминая. Умеренная сила его рук была так приятна, что Тан Фан тотчас издал блаженный стон.

— Почти час цзы (23:00-1:00). Хватит работать, иди спать, завтра поговорим.

— Так поздно? – опешил Тан Фан, переводя взгляд на песочные часы, стоявшие на высоком приставном столике. – Почему ты все еще не лег?

— Тебя жду, – коротко ответил Суй Джоу.

— Ты действительно хороший брат! – Тан Фан был очень тронут. – Да-да, вот здесь! Очень болит! И чуть повыше!

Суй Джоу заметил, что волосы того очень густые и гладкие. Собранные, при тусклом свете свечей они отдавали блеском цвета индиго, от чего кожа на задней части шеи под пучком казалась еще белее и нежнее, как нефрит цвета овечьего жира. Так и манила прикоснуться, проверить, какая она на ощупь.

Не долго думая, так он и сделал.

К тому же, человек в его руках всем своим видом демонстрировал, что ему то нравится, и даже сам просил о массаже:

— Давай с обеих сторон!

Уголки губ Суй Джоу слегка приподнялись: “Как пожелает мой господин”.

Внезапно Тан Фан издал вздох удивления: кажется, он только что что-то осознал.

— Гуанчуань, я заметил, что ты с одинаковой силой массируешь мне шею как правой, так и левой рукой. Я прав?

Обычно у каждого человека есть рука, которой он привык пользоваться. Большинство людей правши, так что даже при массаже шеи силу обеими руками должны прикладывать разную.

Суй Джоу кивнул, а затем, вспомнив, что стоит позади Тан Фана и тот его не видит, ответил:

— Да. Я специально практиковался. В сражении одно мгновение может решить твою жизнь. Я не хочу иметь недостатки лишь из-за собственной небрежности.

Тан Фан знал, что под холодной внешностью Суй Джоу скрывается весьма дотошный ум. Услышав это, он не только не удивился, но и очень восхитился им. Только он собирался похвалить его, как вдруг в голове созрел интересный вопрос:

— А писать левой рукой ты можешь?

— Могу-то могу, но не так хорошо, как правой.

— Если тебя попросят написать один и тот же иероглиф левой и правой рукой так, чтобы никто

не смог различить, у тебя бы вышло?

— Возможно у меня получилось бы написать их практически идентичными, – немного подумав, отвечал Суй Джоу, – но поскольку левая и правая руки находятся с разных сторон, если присмотреться, можно будет заметить, что иероглифы все-таки отличаются.

Тан Фан внезапно поднялся, нашел на столе пожелтевший лист бумаги и протянул его Суй Джоу.

— Взгляни!

Суй Джоу поднес его поближе к свече, разглядывая.

— Ну что? Это писал левша? – спросил Тан Фан.

— Да, – спустя некоторое время уверенно ответил Суй Джоу.

— Вот и все! – Тан Фан хлопнул по столу рукой. – Смотри, в отчете говорится, что, осмотрев тело госпожи Чжан, коронер обнаружил, что она была заколота ножом для резки бумаги, в результате чего ее селезенка разорвалась и она умерла от потери крови. Если бы Ху Ханьинь действительно пытался изнасиловать госпожу Чжан, а затем убил ее, то, скорее всего, она должна была отчаянно сопротивляться. Проблема в том, что он левша.

Суй Джоу кивнул, уловив ход его мыслей:

— В критический момент человек действует инстинктивно, не раздумывая. Если бы убийцей был Ху Ханьинь, стоя лицом к госпоже Чжан, он использовал бы левую руку. Удар был бы нанесен в правую часть тела, а не в селезенку, что находится слева.

— Значит, – усмехнулся Тан Фан, – Ху Ханьинь действительно никого не убивал!

Заметив, как тот устал, Суй Джоу не выдержал и сказал:

— Иди спать. Завтра закончишь.

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, – покачал головой Тан Фан. – Поскольку разгадка уже у меня в руках, нужно поскорее записать ее. Иди отдыхай, не беспокойся обо мне.

— Что ты хотел бы съесть? Я приготовлю, – предложил Суй Джоу.

Прежде полные усталости, глаза напротив загорелись:

— Простую лапшу! Вечером видел, как повар замешивал тесто на кухне.

Какой острый глаз! Кроме Тан Фана, разве кто-то на постоялом дворе стал бы целый день ошиваться вокруг кухни?

Уголок рта Суй Джоу невольно дернулся:

— Хорошо.

Приготовив лапшу и вернувшись с нею в комнату, он увидел, что тот уснул прямо за столом.

Примечания переводчика:

МСШ пишет, что ошиблась, назвав госпожу Ху «кормилицей», на самом деле, она была «нянечкой». Я исправлю эту ошибку в будущем)

Кто сидит в группе, знает, что я, помимо нормальной версии перевода, делаю еще и «цензурную», чтобы читать своим родственникам. А еще я как-то писала в группе, что в инете гуляют 2 исходника «Чэнхуа». Один оригинальный, а второй – печатная версия с цензурой. Там, где 169 глав, там нормальная версия, а там, где 32, там отцензуренная.

Я хотела посмотреть, как МСШ отцензурировала сцену с массажиком и оказалось, что в печатной версии этого тома вообще нет. Из-за одной сцены с массажиком она удалила весь том про поездку ТФ к сестре...

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2344089>